

ФРИДА ШУТМАН

Не нужно нам других миров

Фрида Шутман

Не нужно нам других миров

«Издательские решения»

Шутман Ф.

Не нужно нам других миров / Ф. Шутман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834646-0

«Не нужно нам других миров»... Эта цитата из фантастического романа С. Лема «Солярис» послужила названием нового сборника фантастики израильской писательницы Ф. Шутман. В книге представлены её четыре повести в жанрах фантастики и мистики. Читатель побывает с литературными героями и в японском НИИ, и на американском космическом корабле, и в испанском средневековом монастыре, и в израильской лаборатории по генной инженерии... Повести Фриды Шутман будут держать читателя в напряжении до последней строки.

ISBN 978-5-44-834646-0

© Шутман Ф.
© Издательские решения

Содержание

Рука или Оттенки серого	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Не нужно нам других миров

Фрида Шутман

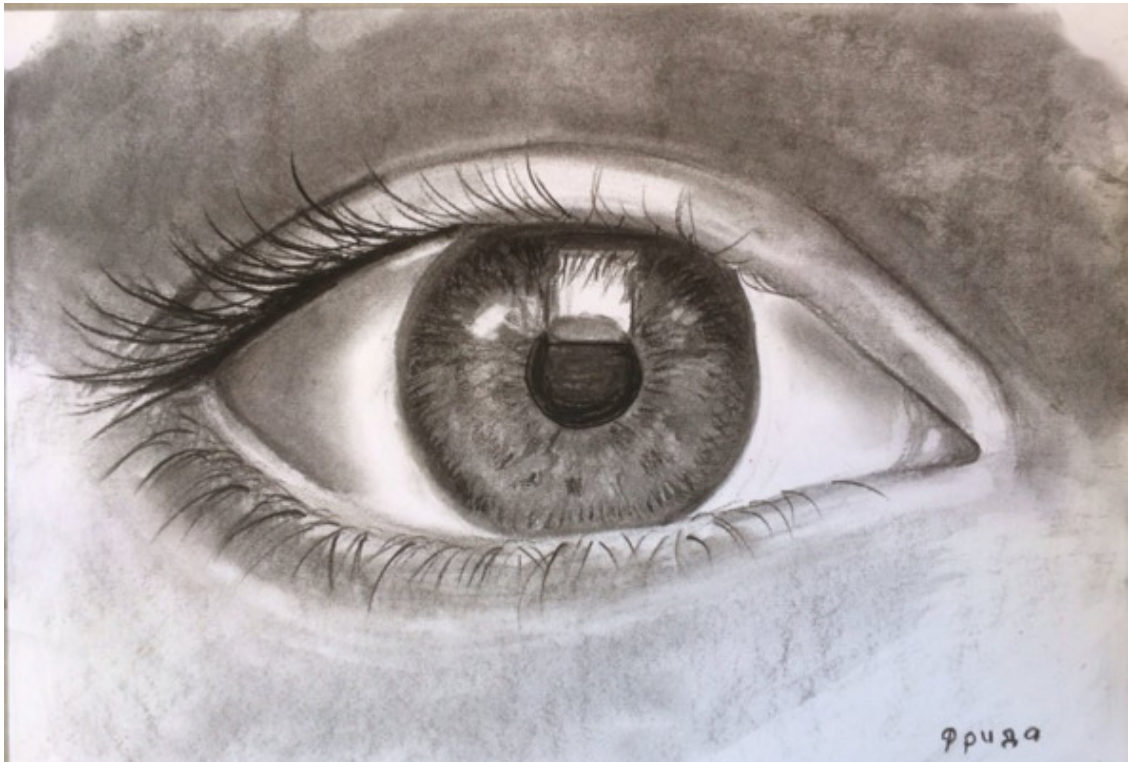
© Фрида Шутман, 2016

© Фрида Шутман, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4646-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рука или Оттенки серого

Писатель смотрел на свою правую руку с явным отвращением. Кисть посинела от сдавливающей её верёвки. В левой руке он держал топор.

– Ничего, ничего. Скоро ты будешь на помойке и больше никому не сможешь навредить. Пальцы на правой руке слабо шевелились.

– Сейчас ты у меня запрыгаешь, так запрыгаешь...

Средний палец на правой руке медленно поднялся вверх, а остальные пальцы сжались черепашкой.

– Ах, так ты себя ведёшь, пакостница!

Писатель поднял топор и безжалостно опустил его на правое запястье... Кровь брызнула во все стороны, но писатель её не видел. Он и не слышал, как треснули кости. Он потерял сознание. Когда пришёл в себя, вокруг всё было липким и красным от крови.

– Почему я не стянул руку жгутом?

Из-за сильной потери крови у него даже не было сил подняться на ноги.

С большим трудом перевернувшись на живот, он пополз к шкафу. Лево́й рукой открыл дверцу и взял первую попавшуюся вещь. Это была белая футболка. Корчась от боли, он завернул правую руку, вернее, то, что от неё осталось, и пополз к тумбочке с телефоном. Подтянулся левой рукой, пытаясь подняться на колени. Опять потерял сознание. Очнулся, снова попытался подтянуться. На этот раз получилось. Теперь нужно было добраться до телефонного аппарата. Ему удалось снять трубку. Спасительный гудок дал слабую надежду. Он зажал трубку между левыми плечом и ухом. Не видя циферблата, набрал номер скорой помощи.

– Скорая? Алло! Я потерял много крови. Приезжайте скорее... Адрес? Улица Сервантеса, дом 49, квартира 1... Дверь не заперта.

Когда он снова очнулся, то увидел двоих в белых халатах. На его правой руке белела повязка.

- Доктор! Я буду жить?
– Будете, будете. Мы вас отвезём в больницу. Вы потеряли много крови. Там вам сделают вливание. И наложат швы. Вы согласны?
– Да-да. Только поищите мою руку. Вы её видите?
– Нет, мы её не видим. Кто это сделал? Кто вам отрубил руку? В доме побывали грабители?
– Это я сам её отрубил...
– Мы вынуждены сообщить в полицию.
– Не надо. Я же говорю, это я сам её отрубил. Она меня не слушалась. Она делала, что хотела... Вы мне не верите?
Медики молча переглянулись.
– Мы вам верим. Но, по закону, нужно сообщить в полицию. Вы можете сказать своё имя и фамилию?
– Мигель Динас.
– Сколько вам лет? Вы помните дату рождения?
– Мне... 45 лет. Я родился... Пойдите, когда же я родился? Ах, да, 5 марта 1935 года.
– Как вас зовут?
– Я же уже сказал, Мигель Динас.
– Вы хотите сказать, что это вы написали роман «Тайная печать»?
– Да, этот мой роман.
Медики снова переглянулись.
– Вы в этом уверены?
– Проверьте мой паспорт, если вы мне не верите!
Медики стали смотреть по сторонам. Они осторожно переступали через лужи крови. Искали на столе, на полочке возле телефона.
– Ладно, поехали. Больше тянуть нельзя.
– А где моя рука? Посмотрите, она должна быть где-то здесь... Может быть, на полу... Или она отскочила на другой стол?
Правой руки, вернее, кисти, нигде не было...

Писателю было 40 лет, когда он переехал жить в большой город. Да, по меркам 70-х это был действительно большой город. Скорее, человеческий муравейник со своими законами общежития, выживания и процветания.

Мигелю Динасу только начала улыбаться фортуна. Его сборник рассказов «Затворник» согласилось выпустить довольно крупное издательство. Получив аванс, Динас решил переехать в этот город и продолжать писать. Казалось бы, пришло время радоваться жизни. Ему уже давно надоела роль прототипа своего литературного героя. Он жаждал восполнить годы самовольного затворничества. Знакомиться с новыми людьми. Бывать в обществе. Бродить по городу, впитывая в себя его многоликость и разноголосость, и, конечно, творить, творить, творить...

Но многообещающий (как писала городская газета) писатель Мигель Динас откровенно скучал. Парадокс, да и только. Живя в захолустье и, практически не выходя на улицу, он строил бисерным почерком день и ночь. Там он радовался вдохновенному труду и мечтал о деньгах и славе.

Теперь же, будучи при деньгах и став, как минимум, городской знаменитостью, он грустил и не знал, как ему быть. Ему не писалось! Совсем! Никто не знал этого. Издатели ждали от него новых работ. Он обещал вскоре принести большой роман. И всё не приносил. А приносить просто ещё было нечего.

Но Мигель Динас не терял надежду.

– Ничего, это только начало. Я просто не привык к городской жизни. Здесь все куда-то торопятся. А зачем? Остановитесь, осмотритесь вокруг! Вы же пропустите что-то очень важное! Вы пропустите жизнь!

И ещё его что-то крайне раздражало. Это были огни. Мерцающие огни. Огни светофоров, реклам и дискотек. Ему, прожившему долгие годы в глуши, претили все эти символы урбанизации. Он любил тишину и покой.

Он часто спрашивал себя, зачем ему понадобилось переезжать в крупный город. И сам себе отвечал: поближе к издательству. Нет, наверно, он уже не любит свой прошлый захолустный покой. Теперь подавай ему городские покои богато обставленной квартиры. Чтобы каждая полочка, каждая занавеска светилась достатком и заслуженным отдыхом.

Однако Мигель Динас как писатель был ещё очень далёк от осуществления своей мечты. Избранный им путь достижения состояния безмятежности был тернист и неспокоен.

– Не пишется. Может быть, это оттого, что мне душно. Выйду на балкон...

Напротив его дома красовалось довольно оригинальное в архитектурном отношении здание. Его арендовал местный молодёжный клуб. Не было вечера, чтобы там не проходили концерты, спектакли, вечеринки или дискотеки. Естественно, из-за постоянного шума этот район считался не самым престижным в городе. Но многообещающий писатель не хотел этого понимать. Он думал, что заплатил вполне достаточно, чтобы вести подобающий литератору образ жизни.

Особенно Динасу досаждали дискотеки. Подсознательно он просто завидовал молодёжи за её раскованность и перспективность. И, согласно своей логике, рассуждал, что именно дискотеки, точнее, шум доносившейся до него музыки и мерцающие огни, не дают ему возможности сосредоточиться.

Действительно, эти огни действовали на него странным образом. Ему становилось душно. Он начинал нервничать, потеть и подёргивать верхней губой. Потом он отключался на какое-то время. Проходили, возможно, доли секунды или минуты. Но даже в течение этих мгновений он успевал мысленно перенестись в зал к танцующим и отплясать какой-то танец. Особенно ему нравились танцы под медленную музыку, когда он мог обнять свою партнёршу, не получив при этом пощёчины.

Момент прихода в себя, свой сон или галлюцинации он помнил смутно. Хотя сам факт перемещения он помнил и решил этим воспользоваться в будущем. У него даже оставалось странное, но очень приятное ощущение в кончиках пальцев правой руки. Ему казалось, что он чувствует женское упругое тело. Да, горячее, страстное тело. Подушечки пальцев правой руки Динаса начинали пульсировать. Эти страстные толчки передавались и всему его телу. Неизведанные грешные уголки его души раскрывались похотливыми цветами орхидей.

– О, Господи! Что это? Почему я не ощущал этого раньше? Как можно стать писателем, не изведав даже тысячной доли грешных чувств? Прости меня, Господи! Грешен я, ой, как грешен...

– Не надо, ха-ха-ха, ну, не надо! Ах ты, шалун какой! Я не разрешаю! Перестань! Ха-ха-ха! Я же сказала, перестань. Мне щекотно!

Девушка стояла в тёмном углу. За дверью гремела музыка. Дискотека была в самом разгаре. Возле девушки стоял довольно тщедушного вида парень. Он всё норовил её обнять. Ещё в зале он заметил её крупную грудь в тесной белой кофточке и короткую чёрную юбку. Девушка поминутно тянула юбку вниз. Куда там, разве можно тянуть широкий пояс. А юбка скорее напоминала пояс, и приподнималась до полного неприличия. Так и стояла бы эта девушка, бесконечно одёргивая юбку-пояс, если бы не этот парень. Уже при первых аккордах заунывной музыки он довольно резво приблизился к ней и пригласил танцевать. Девушка согласилась,

и они чинно прошли в центр зала. Туда же продефилировали ещё несколько пар. В воздухе «запахло» романтикой.

Протанцевав вдвоём несколько танцев подряд, девица сослалась на духоту и предложила выйти из зала. Вот тут и настал черёд юноши. Он наклонил своё разгорячённое лицо к её уху и стал что-то шептать. Она ничего толком не могла расслышать из-за шума доносящейся из зала музыки. Потом парень попытался её обнять и поцеловать. Девушка сделала вид, что рассердилась и хотела его оттолкнуть. Но он оказался довольно сильным и снова прижал её к себе. На этот раз она не сопротивлялась, а вся отдалась поцелую. В то же самое время она почувствовала, как его рука залезла к ней под юбку.

Вот тут она и разворковалась, смущаясь и смеясь от щекочущих низ её упругого живота пальцев.

– Перестань, не надо, ты слышишь, что я тебе говорю? Шалунишка! Тебе не стыдно? Я ещё даже не знаю, как тебя зовут...

Парень снова стал искать её полные губы.

– Питер меня зовут. А тебя?

– Ха-ха-ха, перестань, мне щекотно! Меня зовут Люси...

Они всё ещё стояли в темноте. Потом дверь открылась, шум дискотеки оглушил целующихся, а мигающий свет осветил их любовный уголок.

– Питер! Ну, ты когда-нибудь вытащишь руку из-под моей юбки?

– Люси, ты разве не видишь, что я тебя обнимаю обеими руками? Я не лез тебе под юбку...

– Питер! Что же ты врешь? Ты мне уже чуть трусы не порвал! Питер!

– А...

Оглушительный крик на секунду перекрыл шум дискотеки. Кричала Люси. Истошно, до срыва голосовых связок. Её крик перешёл в дикий рёв. Он буквально отбросил Питера к противоположной стене. Девушка как-то сразу вся обмякла и упала на пол. Из зала в их угол повалила молодёжь. Никто ничего не понял, но такой крик мог испугать и озадачить кого угодно. Девушку подняли и унесли в зал. А парня стали допрашивать, что он наделал. Почти одновременно слышались звуки сирены патрульной машины и машины скорой помощи.

Питер стоял, не шевелясь. Перед его потемневшими от ужаса голубыми глазами всё еще мелькала выползающая из-под юбки Люси бледной змеёй чья-то рука...

В роскошном ресторане в центре города этим вечером царил необычный оживление. Все столики были заняты. Вышколенные официанты ловко сновали между столиками, разнося на больших подносах заказы. Голова могла с лёгкостью закружиться от гремучей смеси запахов дорогих духов и изысканных блюд.

Дамы поражали своими нарядами и причёсками. Казалось, что в этом зале самые известные кутюрье со всей Европы решили показать свои последние модели. Мужчины были одеты в традиционные токсидо. Они выполняли для своих дам ту же функцию, какую выполняет для вкусных конфет обязательная, но совсем не оригинальная оберточная бумага.

На каждом столе красовался массивный подсвечник с зажжёнными свечами. Все люстры были погашены, и только эти свечи освещали возбуждённые раскрасневшиеся лица гостей. Этим вечером в зале ресторана не было случайных посетителей. Все гости пришли чествовать мэра города в связи с его юбилеем.

Вечер был в самом разгаре. Уже гости прослушали заздравные речи. Уже были выпиты первые бокалы с раритетным испанским Vega Sicilia. Поданы тапас – холодные и горячие закуски. Оркестр что-то тихо наигрывал на небольшой полукруглой сцене. Мелодия была приятной и никому не мешала наслаждаться едой и беседой с соседями по столу. Всё шло по плану.

Принесли следующее блюдо. Им оказался ароматный черепаховый суп в серебряных супницах. Официанты подходили к каждому столику и разливали его по тарелкам.

Супруга мэра хотела сразу попробовать суп. Зачерпнув ложкой немного густой коричневатой жидкости, она быстро поднесла её ко рту и чуть не обожглась. Суп оказался очень горячим. Ей пришлось ждать, пока он остынет. От нечего делать дама стала медленно помешивать его ложкой. Кусочки черепашого мяса чередовались с нарезанной морковью. В каплях жира игриво мерцали отражения свечей. Тем временем её взгляд скользил по сторонам. За соседним столиком кто-то из гостей, наверно, тоже ждал, пока остынет суп, помешивая его. Лица гостя ей не было видно. Но что-то показалось женщине странным. Приглядевшись, она поняла, что гость помешивает в своей тарелке не ложкой, а... указательным пальцем.

«Какой невоспитанный человек... И невыдержанный! Он, что, не может подождать, пока ему принесут ложку? Интересно, кто это? Он работает в нашем муниципалитете? Кто его пригласил? Надо узнать у мужа, кто этот гость... Стыд какой! Такого человека нельзя приглашать в приличное общество...». С этими мыслями жена мэра стала интенсивно обмахиваться веером. Она прямо закипела от возмущения. Невоспитанный гость всё ещё продолжал помешивать суп пальцем. Супруга уже было повернулась, чтобы спросить мужа об этом странном госте, как вдруг этот человек приподнял свой указательный палец над супом и помахал даме. Казалось, этим жестом он хотел ей дать понять, что не стоит вмешивать в эту историю мэра.

Дама ещё больше возмутилась и стала дёргать мужа за рукав, чтобы привлечь к себе его внимание. Её взгляд всё ещё был прикован к наглому гостю. В следующее мгновение она почувствовала непонятную тяжесть на своём колене. Слегка отодвинув стул, она хотела посмотреть, что же ей стало давить на ногу. На своём колене, плотно обтянутом бордовым атласом вечернего платья, она увидела чью-то бледную кисть, указательный палец которой делал отрицательный жест. Дико вскрикнув, женщина повалилась с массивного стула на пол.

Мэр так и не понял, почему его жена упала в обморок. Гости окружили его столик, помогли поднять её и вызвали скорую помощь. Люди стали подозревать, что обморок случился из-за недоброкачественной пищи. Вечер был испорчен.

Мигель Динас потихоньку приходил в себя после того страшного инцидента с отрубленной рукой. Конечно, до полного выздоровления ещё было далеко. Вряд ли можно совсем такое забыть... И всё-таки время от времени писатель начинал бормотать:

– Рука, где моя рука? Никто не видел мою руку? Куда она подевалась... Почему её не нашли... Она должна быть дома... Сестра, попросите доктора, пусть пойдут ко мне домой и найдут руку... Сестра, я умоляю вас, пусть её найдут и принесут мне... Сестра!

– Не волнуйтесь, вам нельзя волноваться! Найдут вашу руку. Потом медсестра шла в ординаторскую и звала дежурного врача. Тот приходи к Динасу, выслушивал такую же тираду и тоже пытался его успокоить. А в записях о состоянии больного добавлялась ещё одна: навязчивые бредовые идеи в связи с поисками им же отрубленной кисти.

Дни шли за днями. Динаса пока не выписывали, давали успокоительные и наблюдали за его поведением. Рана в культе почти затянулась. Но Динас уже через неделю что-то чувствовал в руке, точнее, в кисти. В отрубленной им кисти... И хотя ему объяснил врач, что боли в отсутствующих конечностях – это так называемые фантомные боли, давно известный факт, Динас всё равно волновался. То, что он чувствовал в отсутствующей кисти, вроде бы и нельзя было назвать болью. Это ощущение даже он как писатель не мог передать словами.

Сначала Динас забывал, что у него нет правой кисти, и порывался ею «брать» ложку, вилку, чашку во время еды. Потом он попросил лист бумаги и ручку пытался «писать» фантомной рукой. Когда он понял, что ему, собственно, нечем писать, то заплакал, как ребёнок.

Он сначала довольно чётко чувствовал положение кисти и пальцев в пространстве. Порой жаловался, что его правая фантомная кисть сжимается в кулак, пальцы сведены, впиваются в ладонь, от чего кисть устает и болит.

Ему ещё повезло, что доктор оказался довольно терпеливым и без устали разъяснял своему знаменитому пациенту про фантомные боли, возникающие в определённых участках мозга. И не только про боли, а и про все другие ощущения: всё идёт от головы. Голову-то не отрежешь, а вот чувствуются боль, или удовольствие, или насыщение, или... благодаря ей и в ней. Человеку же кажется всё иначе.

Но Мигель Динас ощущал в отсутствующей кисти ненависть, месть и злобу. Почти каждую ночь ему снилось, что рука вернулась, сидит у него на груди и мерно постукивает по ней указательным пальцем. Потом она начинает медленно подползать к его горлу. Охватывает горло длинными бледными пальцами и начинает потихоньку его сдавливать. Писатель хочет крикнуть, позвать на помощь, но из горла вырывается лишь громкий хрип. Он хватается кисть левой рукой и пытается оторвать от себя. Однако пальцы сильнее его и сдавливают горло с ещё большей силой.

– Помогите! Рука! Моя рука! Помогите! Я задыхаюсь! Помогите...

Иногда ему всё-таки удавалось громко позвать на помощь.

Медперсоналу надоело его ночные крики. Врачи не понимали, почему не действуют обезболивающие и снотворные. Медсестра обычно подходила к нему и старалась успокоить. Когда одним утром врачи во время обхода увидели у Динаса синяки, жутким ожерельем красовавшиеся на шее, они не на шутку забеспокоились. Его решили всё-таки поместить в психиатрическое отделение. На консилиуме обсуждали диагноз. Подозревали, что это писатель сам себя душит левой рукой.

Почему врачи тянули с выводами? Дело было даже не в медицине, а... в местной прессе. Папарацци, как всегда, охотились за «жареными» фактами. Им нужна была сенсация. Чем же не сенсация для жёлтой прессы, когда известный писатель Мигель Динас сначала зачем-то отрубает себе одну руку, а потом пытается удавиться другой? Прекрасный загадочный сюжет для вечно скучающего праздного обывателя.

Однажды, зайдя в комнату со шкафами для медикаментов, ещё даже не включив свет, один молодой фельдшер заметил, что всегда опечатанный металлический шкаф с наркотическими и психотропными веществами открыт. Оставлять шкафы с лекарствами открытыми было серьёзным нарушением внутрибольничных инструкций. Тем более, шкафы с сильнодействующими препаратами. Фельдшер подошёл и закрыл дверцу.

– Это же надо! Даже ключ не вытащили из дверцы! Надо сообщить заведующему отделением.

Пока он искал нужный препарат в соседнем шкафу, в только что закрытом услышал лёгкое постукивание. Сначала он подумал, что это ему показалось. Недоумевая, фельдшер снова подошёл к первому шкафу. Что-то колотилось в дверцу изнутри! Что именно, он не понял. Не успел парень снова раскрыть шкаф, как получил сильный удар в глаз. От боли он скорчился, закрыв лицо руками. Придя немного в себя, выбежал в коридор.

Той же ночью Мигель Динас закашлялся во сне, будто чем-то поперхнулся. Сплюнув на салфетку, успел заметить при тусклом свете таблетку. Отдышался, попытался уснуть. Не прошло и нескольких минут, как он почувствовал что-то горькое во рту, по-видимому, снова таблетку. Динас попытался её выплюнуть, но, кто-то опять насильно затолкнул ему таблетку глубоко в горло. На этот раз глотательный рефлекс сделал своё дело; Динас её проглотил. Но на этом истязание не кончилось: невидимый «доктор» заставил его выпить и какой-то жидкий препарат.

Примерно через час Динасу стало плохо. Он почувствовал, будто его тело куда-то уплывает. Сердце бешено колотилось, а единственная ладонь стала мокрой и холодной от пота.

Писатель позвал сестру. Пока она пришла, ему стало ещё хуже. Всё закружилось перед глазами. А сердце сжалось, как стальными тисками. Сестра позвала врача. Измерили давление, пульс. Динас весь покрылся испариной. Потом его тело стали сотрясать чудовищные судороги. Он хотел кричать, но не мог: отказала речь...

Когда Динаса привезли в реанимацию, он был без сознания. Состояние напоминало анафилактический шок. Его подключили к прибору искусственного дыхания, ввели адреналин, потом поставили капельницу с физраствором. Постепенно давление и пульс нормализовались. Динас открыл глаза. После того, как врачи убедились, что опасность миновала, его оставили одного. Не прошло и часа, как кто-то отключил прибор искусственного дыхания, вытащил из вены писателя иглу и с силой затолкнул уже не одну, а несколько таблеток глубоко в глотку.

До утра так никто к Динасу и не заглянул. Обе медсестры и дежурный врач заснули на своём посту, хотя выпили по чашке крепкого кофе. Утренняя смена медиков уже не застала Мигеля Динаса в живых. Аутопсия показала наличие в его крови сильнодействующего наркотического вещества в несовместимой с жизнью концентрации. А в крови врача и медсестёр ночной смены обнаружили следы сильнодействующего снотворного.

Этих медикаментов и недосчитались в металлическом шкафу. Началось разбирательство инцидента. Стали расспрашивать всех сотрудников больницы. Фельдшер рассказал о странном случае, который с ним приключился вчера. Уборщица вспомнила, что, когда она мыла пол в комнате с медикаментами, то увидела, как чья-то рука открывает один из шкафов. Сначала женщина не придавала этому значения и продолжала орудовать шваброй. Потом, как говорится, задним числом, она задала себе вопрос: «Руку я видела, а кто же это был? Самого человека, вроде бы, и не было... Это надо же было так напиться! Знала я, знала, что Анита всякую гадость пьёт. Вот и меня подбила выпить. А теперь я и людей не узнаю... Тьфу!»

Бомжи города веселились до упаду. А как им было не веселиться, если ещё с вечера на городскую свалку стали свозить всякую всячину. Это новая жена местного магната очищала его особняк от старых вещей. А вещей, действительно, было очень много. Покойная жена миллионера была в своё время известной актрисой. Но она была женщиной, лишённой вкуса и чувства меры и в течение многих лет скупала одежду, сервизы, картины, превратив большой дом в склад дорогих и ненужных вещей.

В тот день городские трущобы существенно пополнились. Было страшно и смешно наблюдать, как какая-нибудь беззубая старуха в лохмотьях манерно держит грязными дрожащими пальцами чашечку из тонкого китайского фарфора. Или как пьяный старик со слезящимися глазами умильно рассматривает альбом с пожелтевшими фотографиями покойной кинодивы. Кто знает, может быть, когда они оба были молоды, и вся жизнь ещё была у них впереди, их пути-дорожки скрещивались. Или могли скреститься. Кто знает...

Больше всех гордилась своей находкой молодая обитательница трущоб по имени Кристин. Она первой выхватила роскошный чемоданчик розового цвета из груды вываленного барахла, пардон, добра. Раскрывать при всех его не стала. Нежно прижала к худой груди, прикрыла дырявым линялым шарфом и побрела в свой закуток.

Жила Кристин, если, вообще, можно так определить её способ существования, под лестницей одного из старых заброшенных зданий на окраине города. Там у неё были свои матрац, подушка, стул и шкафчик. Другие бомжи знали, что Кристин за каждую свою вещь может перегрызть глотку. Её откровенно побаивались. Никто и не помнил, как молодая ещё женщина попала в эту человеческую клоаку. Из какой она была семьи, почему общество отвергло её... Или почему она вычеркнула себя из списка законопослушных граждан...

Так вот, эта женщина и стала счастливой обладательницей почти нового чемоданчика старой кинозвезды. Довольная добычей, Кристин забила в свой уголок под лестницей, села

на выдавший виды матрац и... закрыла глаза. Да, даже «на дне» человеку дозволено помечтать. И она мечтала, представляя, что же её ждёт внутри находки.

Наконец, Кристин отважилась, взяла крошечный ключик, свисавший на шёлковой нитке с ручки чемоданчика, и открыла миниатюрный замочек. Потом осторожно подняла крышку... В чемоданчике лежали женские перчатки. Атласные, с кружевами, кожаные, разных цветов и оттенков перчатки излучали достаток и желание их обладательницы блеснуть перед своими товарками. Некоторые из перчаток были совсем новыми, остальные тоже неплохо сохранились.

Это приобретение было очень красивым, но что, собственно, могла с перчатками делать Кристин? Надевать их на невымытые руки с давно нестриженными ногтями? «Красоваться» перед своим дружкой Маркусом, таким же бомжем, как и она сама? С подобными раздумьями, и, как обычно, на голодный желудок, Кристин улеглась на свой матрац и попыталась заснуть.

– Завтра чего-нибудь придумаю.

Ей снилось, что она на балу, в роскошном белом платье, расшитом крупными жемчужинами. Она кружит в танце, на ногах у неё башмачки, достойные самой Золушки. А на руках... А на руках у неё белые кружевные перчатки из розового чемоданчика. Кристин танцует, смеётся. Её золотые локоны потешно подпрыгивают в такт мелодии. Руки в перчатках едва дотрагиваются до плеч партнёра. Кто же это рядом с ней? Маркус? Нет, не Маркус... А кто?

Другая картинка – уже на огромном балконе. Кристин жарко, она вышла подышать свежим воздухом. Она слышит, как кто-то к ней подходит. Это её партнёр по танцам. Он нежно обнимает её за шею. Потом его руки начинают всё сильнее и сильнее сдавливать ей горло. Кристин пытается вырваться, но не может. Ей не хватает воздуха и... она просыпается. Но, что это такое? Её шею всё ещё сдавливают чьи-то руки.

– Отпусти! Кто это? Отпусти, я сказала! Узнаю, кто, убью...

Кристин приподнимается с матраца. Пытается оторвать чужие руки от себя. Но руки, вернее, одна рука, не отпускает её шею до тех пор, пока голова Кристин не падает на грязную подушку в последний раз. А бледная рука в красивой белой кружевной перчатке забирается в розовый чемоданчик и застывает. До новой жертвы...

Новость о смерти Кристин быстро облетела все трущобы. Похоронили её тихо на одном из многочисленных пустырей.

Маркусу, дружку задушенной Кристин, в то же утро по неписанным уличным законам перешло в наследство всё её богатство – матрац, подушка, стул и шкафчик. И, конечно же, розовый чемоданчик. Без лишних сантиментов, помянув подружку кружкой какой-то бурды, парень принялся за обследование содержимого чемоданчика. Ключик от него куда-то подевался, и молодой бомж одним ловким ударом булыжника разбил небольшой замок. Конечно, на него дамские перчатки не произвели никакого впечатления. Почесав заросший подбородок, Маркус прикинул, сколько он сможет за них получить вина в ближайшей лавке. От нечего делать стал перебирать перчатки. Одна из чёрных атласных перчаток показалась ему тяжелой. У парня блеснула мысль о хранящихся там деньгах или драгоценностях.

– А ну, а ну, сейчас посмотрим, что от меня скрывала скряга Кристин.

Но не успел Маркус дотронуться до перчатки, как она прыгнула ему на шею и стала душить. Он попытался её сорвать. Перчатка продолжала душить. Он выскочил из закутка Кристин и выбежал из трущобы на улицу. Сорвать перчатку он не смог, но ему удалось схватить её обеими руками, тем защитив себя от полного удушения.

Маркус бежал по улице и кричал, насколько ему позволяло сдавленное горло. Вот он уже пробегает мимо старого моста. Улица кажется совсем безлюдной, но краем глаза он замечает человека в длинном пальто, стоящего на мосту. Ещё одно усилие, и Маркусу удаётся сорвать с себя перчатку-убийцу и швырнуть в сторону человека на мосту. Вдохнув воздух уже полной грудью, Маркус продолжает бег с дикими воплями.

Молодой человек недоуменно смотрит Маркусу вслед. А в руках у него пойманная чёрная перчатка. Сейчас она обмякшая и слабая. Человек печально смотрит на неё, что-то вспоминает, нежно гладит переливчатый атлас и бережно кладёт перчатку за пазуху.

Прощальный мрачный взгляд на реку, и вот молодой мужчина уже отдаляется от моста и бредёт к себе домой.

Угрюмого парня звали Фабиан Моралес. Будучи отпрыском из обеспеченной семьи, он решил учиться на филолога в университете города Алькала-де-Энарес, что под Барселоной. Университет издавна славился своими выпускниками. В нём в своё время учились такие известные деятели испанской культуры как Мигель де Сервантес, Франсиско Кеведо, Тирсо де Молина, Кальдерон де ла Барка, Лопе де Вега, основатель ордена иезуитов Игнасио де Лойола...

Фабиан обладал неплохими писательскими способностями, которые нужно было развивать. Идеи довольно часто приходили ему в голову, но реализовывались они в незначительных работах, пригодных лишь для сдачи университетских экзаменов. Будучи уже на студенческой скамье он попробовал наркотики. Втянулся. Ходил с постоянно черными кругами под глазами. Присылаемые родителями деньги шли на «травку». А снимал он мансарду за символическую плату в старом доме своего дяди со стороны матери. На еду и вовсе почти не оставалось денег, а на девушек тем более.

Мансарда была очень солнечной. Недавняя побелка как нельзя лучше осветляла квадратную уютную комнату с низкой покатой крышей. Широкое окно с восточной стороны ловило солнечный свет в первую половину дня. Свет падал косыми лучами на диван-кровать Фабиана и на низкий столик перед ней. Будущий писатель ещё не обзавёлся письменным столом, и журнальный столик служил ему и письменным, и обеденным, и... Да каким только столом он ему не служил. Вечно заваленный книгами и конспектами, кулками от наспех съеденных сэндвичей из соседнего кафе, столик стойчески терпел своего хозяина. Наверно, он предвидел, что скоро станет опорой для создания блестящих творческих работ.

Достопримечательной была и правая стена по соседству с кроватью. К ней почти вплотную примыкала длинная батарея центрального отопления. По-видимому, это и «служило» стене поводом осознавать свою сопричастность в обогреве мансарды зимой. Батарея представляла собой довольно жалкое зрелище, так как её не покрасили заново, а белая краска давно облупилась. Из-за этого она была грязно-серого цвета. На этой же стене над батареей висела репродукция картины Пикассо «Старый гитарист».

Вернувшись в тот злополучный день в мансарду, Фабиан снял пальто, повесил на вешалку. Про перчатку он уже благополучно забыл. А что же потом случилось с рукой? Её уже в чёрной атласной перчатке давно не было. Сначала она грелась на батарее, потом вскарабкалась на картину и застыла на гитарных струнах рядом с синей рукой гитариста.

Когда Фабиан находился под влиянием наркотиков, он и не замечал, что на нарисованной гитаре появляется третья рука. Он в это время слышал струнные аккорды. Но всё списывал на действие галлюциногенов. А иногда перед его глазами проходила, скорее, гордо шествовала вереница литературных героев бывших студентов его университета, прославивших испанскую культуру. То ему виделся Дон Кихот Мигеля де Сервантеса, этот Рыцарь Печального Образа, с безумным взглядом едущий на Росинанте. Или рыцарь Царицы Небесной, иезуит Игнасио де Лойола, занимающийся духовными упражнениями. Или дон Паблос, любимый герой Франсиско Кеведо, с вечными своими плутнями. И, конечно, плодовитый Лопе де Вега с множеством героев, от московского Лжедмитрия до «Собаки на сене»... и Кальдерон де ла Барка – последний великий поэт испанского Возрождения с его драмами чести и комедиями интриг.

А какие чувства обуревали нашего студента, когда он зачитывался любовными похождениями дона Хуана Тенорио? Ведь именно жизнь этого любвеобильного дворянина послу-

жила писателю Тирсо де Молина прообразом знаменитого дон Жуана. Не давали Фабиану покоя литературные лавры этих и других бывших студентов. Ему казалось, что университетские стены уже сами по себе должны вдохновлять молодых филологов на творческие подвиги.

Рука некоторое время оставалась Фабианом незамеченной. Она «думала» и его задушить, как бездомную Кристин. Но «увидев» на столе чистые листы бумаги и ручку и почувствовав «писательский зуд», «решила» поступить иначе. Видно, сказывались гены её истинного обладателя. В одну из ночей рука перескочила с батареи на диван-кровать нашего мечтателя и залезла к нему под одеяло. Но этого ей оказалось мало. Тогда она заползла к парню под рубашку и прижалась к груди.

Каждую ночь, пригревшись на груди парня и изрядно подушив его, рука прыгала на письменный стол и начинала судорожно писать. Поначалу Фабиан думал, что у него удушье от наркотиков. Потом, уже видя руку на своей груди, он принимал её за видение. Естественно, очень скоро он сообразил, что эта рука достаточно материальна, чтобы оставлять синяки на его горле и... записи на листах... Днём рука предусмотрительно пряталась за батареей.

Утром парень находил на столе не менее сотни мелко исписанных листов. Содержимое было написано на изысканном испанском. И настолько интересно, что даже вечно голодный студент забывал о еде и ночных кошмарах и не вставал из-за стола, пока не заканчивал читать последний лист. Конечно, за талантливую книгу рука «брала» дорогую плату. Состояние здоровья Фабиана ухудшалось с каждым днём. Добавилось кислородное голодание. Кроме этого, он кричал по ночам. Часто он звал на помощь Кару, собаку своего деда Эстебана. Соседи снизу не обращали внимания на его крики по двум причинам: они знали, что живущий в мансарде парень – родственник домовладельца и что он балуется наркотиками.

– Опять у него «ломка», – обычно говорили они.

Поэтому никто и не думал приходить Фабиану на помощь. Он же боялся заявить в полицию или куда-нибудь ещё о руке, чтобы не прослыть сумасшедшим. Действительно, кто бы ему поверил? И, даже если бы ему поверили и схватили руку, кто бы ему в таком случае ТАК писал?

Когда рука спустя какое-то время перестала строчить по ночам, Фабиан сообразил, что теперь настал его черёд. Он старательно перечитал все страницы, кое-где добавил несколько строк и... дал название «своему» первому роману: «Иезуит». Потом начинающий писатель отнёс роман в ближайшее издательство, и... его пустили в печать, причём большим тиражом! Вскоре «Иезуит» появился на книжных полках. Затем напечатали положительную статью в местной прессе. И роман стали раскупать с удивительной для неизвестного ещё автора скоростью. Имя Фабиана Моралеса зазвучало в средствах массовой информации. У него брали интервью и приглашали на литературные вечера. Кроме того, у недоедающего студента появились деньги!

Фабиан часто вспоминал своё детство. Ему нравилось быть маленьким. Ничто не омрачало его школьных лет. Каникулы он обычно проводил в деревенском доме своего дедушки в Калласс де Авила. Но одно событие осталось в его памяти навсегда.

– Кара! Кара!

Языки пламени поднимались всё выше и выше:

– Кара! Где ты?

Если бы всё это не происходило наяву и с домом дедушки Эстебана, Фабиан мог бы дать более поэтичное определение происходящему. Например, «жёлтые языки пламени вырывались из окон, как из пасти огнедышащего дракона, с жадностью лизавшего деревянные стены. И вот уже сам дракон вырвался на свободу и принялся пожирать всё вокруг – дедушкин виноград, кусты Melissa, беседку со скамейками, старый сарай... Его прожорливость не знала границ. Даже храбрые воины (подросшие пожарные) не могли сразу с ним справиться, таким сильным оказался этот дракон».

Фабиан метался по двору и истошно звал дедушкину охотничью собаку. Вообще, у деда их было две, как в созвездии Гончих псов. И назвал их дед – любитель древности, по именам мифологических собак: Астерион и Кара. Ну, Астерион в быту звался Асти. А Кара с гордостью и без сокращений несла своё древнегреческое имя. Асти смог ловко перепрыгнуть через забор и теперь сидел, виновато притихший, возле деда. А Кара была беременной, как говорится, на сносях, и не смогла преодолеть забор со своим тяжёлым оттопыренным животом.

Фабиан звал Кару несколько минут. Пожарным уже удалось взять разбушевавшееся пламя под контроль. Соседние постройки были вне опасности. Но где же Кара?

И вот, наконец, один из пожарных вышел из горящего дома, держа на руках тяжелую драгоценную ношу. Мальчик хотел было побежать к нему на встречу. Дедушка едва успел его схватить за подол рубашки – возле дома еще бушевал огонь.

Пожарный принёс Кару и посадил рядом с дедом. Собака казалась на удивление спокойной и, как всегда, величественной. Фабиан бросился к ней и стал обнимать и целовать. Скоро его лицо и рубашка покрылись слоем пепла, в котором была и собака. А она сидела практически неподвижно, будто ждала чего-то. Даже не реагировала на прыгающего вокруг неё Асти.

Когда пожарные, наконец, полностью справились с огненной стихией, и сели передохнуть, Кара будто бы ожила. Она медленно, с достоинством и безошибочно подошла к спасшему её пожарному и благодарно лизнула его в нос. Он сначала опешил, потом погладил её по поседевшей от пепла шее. После этого Кара такой же королевской поступью вернулась на своё место. Всё это происходило на глазах у пожарных, Фабиана, дедушки Эстебана и прибежавших тушить пожар соседей. Раздались аплодисменты. Женщины плакали. Фабиан был счастлив! Его дедушка и собаки остались в живых!

Кстати, причина пожара не была определена. Впоследствии дедушкина община построила ему новый дом.

Каждый раз, когда у Кары были щенки, Фабиан хотел взять одного из них в город, но родители не разрешали. Кто знает, если бы у него сейчас был преданный четвероногий друг, возможно, парень вёл бы себя ответственно, да и пёс смог бы учуять грозившую опасность. Кто знает...

Фабиан не зря вспоминал Кару и Асти. Он очень скоро заметил, что рука, почти постоянно греющаяся у него на груди, вздрагивает, когда по соседству слышен собачий лай. В эти минуты Фабиан молча торжествовал. И злорадно улыбался, радуясь, что хоть чего-то боится его тайная компаньонка-садистка.

Несмотря на успех романа «Иезуит», Фабиан оставался таким же мрачным и печальным, как и прежде. Ночи ему казались теперь ещё длиннее и мучительнее. А ведь раньше он так жаждал славы! Теперь, прислушиваясь к шуршанию и поскрипыванию пера авторучки в ненавистой ему бледной руке, многообещающий молодой автор желал лишь покоя.

Примерно часа через три поскрипывание прекращалось, и на мансарду опускалась злоеющая тишина. Ещё мгновение, и цепкие тонкие пальцы добиваются до его холостяцкой кровати. Потом хватаются за край рубашки и вот уже рука на своём «коронном месте». От прикосновения руки у Фабиана противно ноет в груди, и холодный пот выступает на лбу. Потихоньку рука согревается и застывает. Фабиан пытается заснуть. Забывается лёгким сном. Потом он снова просыпается от недостатка воздуха; рука сдавливает его горло. Когда ему удаётся немного разжать её пальцы, он несколько раз делает глубокий вдох, и снова погружается в поверхностный сон.

Странно, но он уже не кричит ночами. Неужели можно к такому привыкнуть?

А рука-компаньонка продолжает строчить каждую ночь. Скоро будет готов и второй роман – продолжение «Иезуита» – «Искушение». Фабианом обуревают противоречивые желания. С одной стороны, он радуется своему новому статусу. Он ещё студент университета Аль-

кала-де-Энарес, а у него уже «за плечами» местный бестселлер. Редкая удача. Как пишут в еженедельной газете – редкий талант. Но, Фабиана мучает двойственность его творчества. Вернее, не его творчества. По сути дела, он, обладая известными знаниями, ещё не готов к созданию подобных работ. Чтобы стать первоклассным писателем, недостаточно много читать самому.

Фабиан задумывает избавиться от руки. Но он не хочет, чтобы она досталась кому-то другому. Он прекрасно понимает, что авторство «его» романов должно принадлежать только ему.

И так уже в местной газете говорят, пока, правда, о преемственности стиля знаменитого писателя Мигеля Динаса в произведении Моралеса. Какой-то ушлый газетчик успел сравнить некоторые строки из романа Мигеля Динаса «Тайная печать» со строками из романа Фабиана Моралеса «Иезуит». Фабиан купил роман Динаса и с первых строк понял, что, действительно, оба романа написаны одной рукой. Если бы газетчики узнали, где сейчас эта рука, вот была бы сенсация! А Фабиану как писателю пришёл бы конец. Теперь он понимал, что неспроста Мигель Динас, как поговаривали, сошёл с ума.

Фабиан в конце концов придумал, как, хоть на время, отдалять от себя руку. Причём делать он это мог только дома, так как боялся за непредсказуемость поведения своей бледной литературной компаньонки «на людях». Что же он придумал? Он купил книжку-сейф и периодически засовывал туда упирающуюся руку. Поспешно закрывал на замок и... радовался предстоящей передышке. Выпускать же оттуда её он не торопился. Тогда она начинала непрерывно выстукивать ему азбукой Морзе сигнал SOS: «... – -...». Сначала три стука, следующих один за другим практически без паузы. Потом три стука с паузами и снова три быстрых стука. Парню казалось, что рука как-то униженно просит выпустить её из сейфа. Он нехотя открывал замок, и рука, «подобострастно» пригибаясь, снова заползала за ворот рубашки. О встречах с девушками при таком раскладе не могло быть и речи.

Фабиану стал сниться один и тот же сон, как он сидит рядом с дедушкой Эстебаном на веранде деревенского дома. Кара и Асти дремлют у дедушкиных ног. Изредка лишь собаки вздрагивают, когда слишком назойливая муха садится им на нос. Асти даже похрапывает. Совсем как человек. Фабиан удивляется своему открытию. Долго прислушивается к храпу Асти. Потом и Кара начинает храпеть. Фабиану становится смешно.

Солнце высоко в небе. Дома душно. На веранде хоть какой-то ветерок ощущается. Сюда солнечному лучу не проникнуть: всю веранду и большую часть дедушкиного дома оплетают виноградные лозы. Во дворе деревянная беседка со скамейками, покрытыми потрескавшейся белой краской. Там тоже благодатная тень. Но дедушка любит после обеда подремать в кресле на веранде, и внук не хочет его оставлять одного. И к любимым собакам он тоже хочет быть поближе.

Дедушка и сейчас тоже спит, мерно покачиваясь в старом кресле-качалке. Фабиану становится скучно. Он хочет играть. Тогда он тихонько встаёт и заходит в дом. Оглядывается по сторонам, ищет, чем бы заняться. Вдруг взгляд мальчика падает на дедовы очки. Большие очки с толстыми стёклами лежат на столе. В каждом стекле, как в волшебной сказке, играет крохотный бесёнок. Фабиан подходит поближе. Теперь бесёнок – солнечный лучик – уже прыгнул из очков на кусок ваты. «Наверно, дедушка забыл положить её себе в уши», – думает мальчик. Он начинает искать источник света и видит, как солнечный лучик настойчиво пробивается через открытое окно. Солнце уже не так высоко. Фабиан садится за стол и подставляет лицо световому лучу. Закрывает глаза. Из-за яркого солнца ощущает жжение на щеке. Он отодвигается. Теперь этому храброму лучику уже ничто не мешает свободно проходить через линзы очков. Тень от ветки нена-роком закрыла часть окна, и теперь лучик сконцентрировался только в одной из линз. Фабиан наблюдает за ним. На вате появляется яркая точка, потом она начинает темнеть, и вот уже вьётся из ваты лёгкий дымок. Фабиан чувствует запах

гари. Но он продолжает наблюдать за ватой. Лучик сквозь линзу очков продолжает прожигать кусочек ваты.

Он задумался и пропустил момент, когда на вате вспыхнул огонёк. Мальчик заворожено смотрел на него. Огонёк разгорался, стали гореть газеты под куском ваты... Фабиан встал из-за стола. Какое-то время он стоял как вкопанный и молчал. Стол был возле окна. Загорелись занавески, но Фабиан всё ещё стоял на одном месте. Непонятно, что нашло на мальчика, и почему так долго не просыпался дедушка Эстебан.

Фабиан и сам ничего не мог толком понять, и никто не понял в Калласс де Авила, как начался пожар. Внук никогда не связывал историю с дедушкиными очками с разыгравшимся пожаром. Вероятно, в результате стресса забылись важные детали. Годы спустя Фабиан понял, что к чему. Но дедушка Эстебан уже ушёл в мир иной, и никто о пожаре даже не вспоминал.

Фабиан твёрдо решил мстить. Его уже ничто больше не интересовало. Он был убеждён, что сможет справиться с будущими произведениями и без помощи ненавистой руки. Он панически боялся быть задушенным ею в одну из долгих ночей. И решил использовать свой сон про дедушкины очки. Идея была. Теперь оставалось продумать, как её осуществить. Как направить достаточно мощный луч солнца на опостылевшую руку, чтобы обжечь её и тем самым причинить как можно больше страданий.

– Хоть бы она совсем сгорела, и, желательно, в аду...

Фабиан тайно вынашивал и «смаковал» свою затею. Для начала он пошёл к окулисту и пожаловался на ухудшение зрения. Заведомо неверно называл буквы при чтении с листа. «Надо бы, чтобы мне выписали очки с ооооочччччень толстыми стёклами, чтобы прожечь эту бледную гадость насквозь...», – думал он про себя. Такие мысли доставляли Фабиану несказанное удовольствие начинающего садиста.

– Может, мне ещё и собаку завести... Ха-Ха-Ха... Но, боюсь, что рука сможет её во сне задушить. Нет, я не дам ей больше ни над кем издеваться! Достаточно того, что она вытворяет со мной, и скольких людей, вероятно, загубила до меня.

Идея с линзами отпала, как только Фабиан вспомнил про пожар в Калласс де Авила. Он побоялся экспериментировать, ведь теперь под угрозой мог оказаться дом в несколько этажей с жильцами...

Разные мысли посещали его, но он их отметал одну за другой.

Фабиан Моралес пытался разобраться, почему рука так поступает и кому она принадлежала до него. Он совершенно не запомнил лица человека, бросившего ему перчатку, но, логически рассуждая, понимал, что тот человек, скорее всего, кинул перчатку с чужой кистью. Крови на перчатке и кисти не было. Далее Фабиан пытался оправдать свои доводы тем, что подавляющее большинство людей – правши, а, значит, бросивший перчатку был правша, и кисть правой руки в перчатке не принадлежала ему.

После долгих мучительных размышлений он решил пойти в библиотеку. Фабиан рассуждал следующим образом: если рука пишет, значит и её хозяин писал. Что же было им написано? Действительно ли эта рука принадлежала известному писателю Мигелю Динасу? Именно с манерой письма этого писателя сравнивают стиль написания его романа. Поэтому надо искать ключ к разгадке через книги. Вот именно сейчас и пригодились филологические знания Фабиана-студента. Парень далеко не глупый, по отдельным фразам и речевым оборотам пытался вычислить характерный стиль и эпоху, в которой жил хозяин руки. Проявлялась интересная закономерность, некоторые выражения отражали средневековый стиль и стиль-модерн одновременно!

Фабиан после утренних лекций допоздна просиживал в библиотеке университета. Он ещё точно не знал, что надо искать. Книг по филологии было великое множество. Но парень

проявлял завидную настойчивость. Иногда он просто засыпал над очередной книгой. А рука-садистка, теперь уже не покидавшая студента-писателя после неудачных попыток от неё избавиться, возвращала его в неизбежную действительность, безжалостно сдавливая горло. Фабиан при этом вздрагивал, нервно теребя широкий шарф, и снова углублялся в чтение. Теперь он постоянно носил большие шарфы. Ведь никто не должен был увидеть, что покоится у него на груди или на шее, в зависимости от «настроения». Со стороны всё выглядело как нельзя лучше – одетый «с претензией» молодой писатель черпает мудрость из множества книг. Наверно, Фабиан не задумывался над своей внешностью, либо не уделял должного внимания мнению журналистов. А они примечали всё до мельчайших подробностей. Конечно, жёлтая пресса не спала. Газетчики фотографировали многообещающего писателя, когда он входил в здание университета. Описывали его романтическую внешность. Под ней они подразумевали бледность лица, отрешённость взгляда, шарф, небрежно перекинутый через плечо...

Не могли же газетчики знать, что Фабиан – бледный и растерянный из-за сложившейся неразрешимой ситуации, что он перестал принимать наркотики, отчего его организм бурно протестовал и требовал возврата к медленной, но сладкой смерти. Кто же мог знать, чем служит ему широкий шарф. И в университетскую библиотеку молодой писатель зачастил не за многовековой мудростью, которая ему поможет писать талантливые работы, а в поисках решения, как избавиться от руки-садистки.

И журналисты даже в некотором роде разочаровались: какая же может быть загадка в ослепительном успехе молодого писателя, если он проводит дни и ночи в библиотеке? Нет, получается, никакой загадки. Он много читает, учится в солидном университете. Где скандалы, интриги, разоблачения? Одна скука. Как же они ошибались...

Много недель прошло, прежде чем Фабиан натолкнулся на следы некоторых изречений, показавшихся ему до боли знакомыми.

– Да, я, кажется, нашёл, откуда эти фразы. Конечно, нужно сто раз проверить. Боже мой! Неужели владелец этой руки, истинный владелец, жил так давно?!

Что же Фабиан обнаружил? Он понял, что некоторые строки из «его» романа напоминают изречения из Дьявольской Библии! Так называли «Codex Gigas», самую большую книгу Средневековья, прозванную дьявольской из-за изображения дьявола на одной из её страниц. Саму книгу Фабиан видеть не мог, так как она на тот момент хранилась в Шведской Королевской Библиотеке в Стокгольме. Написанная в начале 13-го столетия в Бенедиктинском монастыре в Подлачице в Богемии на территории современной Чехии, гигантская книга весом почти в 75 кг прошла большой путь. В 1697 году во время пожара в Шведской Королевской Библиотеке книгу удалось спасти, выбросив из окна пылающего здания, но несколько из её трёхсот десяти тяжёлых, из ослиной кожи, листов были утеряны. Неужели Фабиан натолкнулся на копии утерянных страниц? Кто знает...

Согласно средневековой легенде, один из монахов, нарушивший монастырскую клятву, был заточён в келью. Чтобы себя оправдать, он пообещал за одну ночь написать книгу, отражающую все знания человеческие, и тем прославить свой монастырь. Но, осознав ещё в середине ночи, что это невозможно (такую книгу можно было бы написать лет за тридцать непрерывного труда, не менее), он попросил помощи у дьявола, продав душу падшему ангелу Люциферу, и потому смог завершить книгу. В благодарность за услугу, монах поместил рисунок дьявола в книгу на двести девяностом листе, напротив изображения райского царства.

Фабиана интересовало, где можно найти записи об этом монахе, сохранились ли его изображения и где покоятся останки. В каких-то записях упоминалось имя Германа-отшельника. Возможно, именно он писал Дьявольскую Библию. По найденным сведениям, большая часть книги была написана на латыни. Неужели рука принадлежала этому монаху? Но она оставляла в мансарде записи на испанском. Наверное, надо искать среди испаноязычных монахов-переписчиков.

Фабиан подолгу засиживался в библиотеке. И не в одной. Он искал ответа на свой вопрос: почему рука стала «существовать» самостоятельно? И не находил. Пока... Поиски среди испанских монахов-переписчиков ни к чему не привели. Связь с эпохой написания Дьявольской Библии была утеряна. Фабиан «перенёсся» в более позднюю эпоху. Его интересовали рукописные работы. В первую очередь он хотел разобраться с недавней историей и стал изучать письма 18—19-го веков.

Письма в домарочный период, с целью экономии бумаги, писались вдоль и поперек. Это были так называемые письма крест-накрест. Он старался внимательно их просматривать. Крутил во все стороны. От нервного напряжения у Фабиана дрожали руки, его руки. Когда Фабиан понял, что просидел столько часов без особой пользы, он решил всё-таки перейти на более старые и серьёзные документы прошлого: на пергаментные манускрипты. И опять не находил того, что могло пролить свет на историю его руки-компаньонки. Тогда ему ничего другого не оставалось, как приступить к изучению наличествующих в библиотеке палимпсестов. Так назывались переработанные пергаменты. Под новым слоем рукописного текста еще можно было прочесть первоначальный текст, как бы тщательно он не был соскоблен и смыт. Фабиан с большим трудом вчитывался в полустёртые строки. Текст был написан на испанском языке. Причём Фабиану не удалось чётко определить, к какому историческому периоду принадлежит написанное. Зато он смог прочесть на одной из страниц о руке «владыке». Именно она определяла, что наносить на пергамент, а не её владелец.

Рука-Владыка царствует над миром,
Подвластны ей король и нищий раб,
Известны ей искусств прекрасных лиры,
И сильным может с нею стать, кто слаб...*

**Стихотворение Фриды Шутман*

После прочтения этих строк, Фабиану показалось, он что-то припомнил, и он снова обратился к старым письмам. Он просидел в библиотеке весь день. Всё это время он не пил и не ел. Казалось, что он весь превратился лишь в глаза, которые, в свою очередь, стали окулярами микроскопа. Ничто ему не мешало заниматься поисками в тот день, даже его рука-компаньонка неподвижно грелась на груди.

Фабиан вспомнил, что в каком-то из писем видел упоминание о владыке.

– Надо снова поискать среди писем конца восемнадцатого, начала девятнадцатого века, возможно, я что-то упустил...

И снова письма крест-накрест, и снова лёгкое дрожание рук. Он просмотрел одну пачку писем, датируемых восемнадцатым веком. Ничего не нашёл. Потом взялся за письма начала девятнадцатого века. Опять ничего.

– Где-то я видел слово «владыка», но в каком письме?

Фабиан впервые за несколько часов оторвался от текстов и поднял голову. В читальном зале царил полумрак. Людей уже не было. Лишь в одном углу библиотекарша возилась со старинными фолиантами, недовольно поглядывая в сторону молодого писателя.

– Скоро пора уходить. И библиотекарша уже злится. Очень болит голова. Наверно, сегодня больше ничего не отыскать.

Но, опустив глаза на очередное письмо, Фабиан увидел заветные строчки: «Рука-Владыка царствует над миром...». Они были написаны довольно чётко, причём красными чернилами поперёк основного чёрного текста письма.

– Я нашёл! Я нашёл!

От торжествующего крика Фабиана рука на груди зашевелилась, а библиотекарша демонстративно откашлялась. Фабиан переписал себе все интересующие его данные об отправителе письма. Потом он несколько раз перечитал письмо вдоль и поперёк. Лишь после этого выписал нужные строки из палимпсеста.

Возвращая письма и манускрипты библиотекарю, он извинился за то, что заставил долго ждать. Уставший и голодный, но очень довольный, Фабиан побрёл домой, в свою мансарду. В голове у него набатом звучали два слова: «Рука-Владыка».

Фабиан продолжал поиски. Конечно, он не был настолько наивен, чтобы не понимать, что поиск не может ограничиваться считанными библиотеками и документами. Но у него уже была зацепка. Пусть даже как начинающий писатель, Фабиан пытался разобраться не только в происходящих событиях, но и хотел понять, что же им предшествовало. Он ничего не отрицал, он был готов ко всему. Если рукой управляет колдун, то кто он, и где он. А, главное, может ли он расколдовать её и забрать назад. Если рука проклята, то как снять с неё проклятие и вернуть истинному владельцу. Если рука – творение неизвестного гения, пусть он даст команду, и она вернётся к нему. Если рука – порождение внеземной цивилизации, пусть она, эта цивилизация, «отключит» её и заберёт в космические дебри. Если... Фабиан обладал достаточной силой воображения, позволяющей ему продолжать список причин до бесконечности. Но он хотел найти лишь одну причину – единственно верную.

Порой ему даже было жалко руку-компаньонку-удавку. Ему казалось, что она вот-вот вырастёт ему в грудь или шею и станет ещё одним органом, только паразитическим. Он не хотел признать, что она достойно компенсирует его серое вещество, которого либо недостаточно, либо оно ещё «не работает» с максимальной отдачей. Правда, кроме писательского дара, рука служила Фабиану своего рода вшитой капсулой законченного алкоголика. Он настолько её боялся, что перестал применять наркотики. Ему казалось, что во время его отключений и галлюцинаторных «концертов» рука сможет сделать с ним всё что угодно.

– А что, если рука перестанет во мне нуждаться?

Фабиан замечал, что в холодные дни рука с удовольствием греется на старой облупившейся батарее в мансарде. Легко соскакивая с шеи, она в два прыжка достигала батареи. Потом она начинала крутиться и моститься, как домашняя кошечка. Найдя удобное положение, рука, крепко обхватывая жаркие коленные изгибы железной ветеранки, застывала. «Хоть бы она изжарилась вместе со всеми своими тайнами и причудами», – думал Фабиан, поглядывая на руку и растирая свою горемычную шею.

Фабиан панически боялся, как бы кто-нибудь не увидел руку. Если ему не удавалось избавиться от непрошеного гостя, он прибегал к хитрости. Найдя в какой-то старой коробке вязаные перчатки, он с нарочитой небрежностью бросал их на батарею. Этот трюк помогал ему избежать лишних вопросов, ведь издали рука напоминала светлую перчатку. Проблемы возникали, когда рука задумывала пошутить. Она могла соскочить с батареи и начать подбираться к сидящему гостю. Фабиан в таких случаях сильно нервничал и пытался отвлечь внимание гостя от пола. Если гость всё-таки что-то замечал, хозяин мансарды уверял, что это ему привиделось, пятился задом к батарее и незаметно сбрасывал перчатку.

– Что это на полу сейчас промелькнуло? Крыса, что ли?

– Да нет, это моя перчатка слетела с батареи. Вон она на полу валяется. Наверно, я её случайно сбросил.

Как правило, гость соглашался с версией хозяина. Незаметно вздыхая, Фабиан пытался следить за рукой. Во время таких визитов она себя вела, как игривый котёнок.

Фабиан мысленно недоумевал:

– Ничего не понимаю, чья же это рука. То она игрива, то – коварна. То она пишет, Бог или чёрт знает, откуда черпая вдохновение и информацию. Господи! Помоги разобраться! Помоги!

Фабиан почему-то был уверен, что «его» рука не принадлежала знаменитому писателю Мигелю Динасу, отрубившему себе руку, как об этом твердила жёлтая пресса.

– Конечно, эта рука явно связана с человеком пишущим. Но что-то здесь не так. Бросить своего хозяина? Возможно, даже убить его? Зачем? Где логика? Ах, да, у руки нет мозгов, какая же логика без мозгов? А так писать, чтобы заинтересовать нынешнего ленивого читателя? Это называется, нет мозгов?

Фабиан не прекращал поисков. Иногда он просто садился и наблюдал, как рука строчит на белом листе бумаги. Лист за листом ложились, как падающая осенняя листва.

– Хорошо, у руки нет головы. Но что же ею движет, к ней должен поступать от кого-то или чего-то импульс. Мы же не в средневековье живём. Всё-таки почти в конце двадцатого века. Вот, поговаривают, что скоро в каждом доме будет вычислительная машина. Тогда можно будет многое вычислить. Бытовой компьютер. Любопытно. А сколько этот прибор будет стоить? А поможет ли он писать книги? Ха-Ха-Ха... А заменит ли он библиотеки?

Парень устраивался удобнее на своей кровати и начинал мечтать. Что ж, это занятие было намного интереснее дозы наркотика. Фабиан решил приглядеться к руке внимательнее.

– Что же получается: я ищу информацию о руке, а её толком ещё и не рассмотрел. Надо разобраться, что там у неё на ладони. Как бы ненавязчиво развернуть руку и посмотреть, что в ней интересного.

Фабиан стал теперь уделять внимание и оккультным наукам. Хиромантия! Он начал изучать книги по хиромантии. Как же это оказалось интересно и загадочно; находить связь между линиями и холмиками ладони с судьбой человека. Оказывается, по определённым рисунку линий можно рассказать о человеке практически всё! Фабиана заинтересовали же данные о связи рисунка ладони с писательской и философской деятельностью. Он старательно пытался найти в «своей» третьей руке писательскую «вилку». Но то ли её не было, то ли рука непрерывно шевелилась, когда парень хотел её перевернуть «на спину» как маленькую черепашку.

При всей своей ненависти и отвращении к руке, Фабиан продолжал пользоваться плодами её труда. Он часто задумывался о своей судьбе. В своих мыслях он представлял себя чужим, посторонним человеком. И всячески осуждал. Но, с другой стороны, он начинал яростно защищать себя:

– Почему люди стараются разделить всё и всех на белое и чёрное? Это только в сказках есть плохие и хорошие, умные и глупые, добрые и злые... А в действительности личности отражают лишь оттенки серого цвета. Я не хуже и не лучше других. Судьба преподнесла мне зловещий «подарок». Как же не воспользоваться им? И не надо думать, что если о ком-то отзываются в сером цвете, то это всегда означает серость, безликость, неопределённость. Серый в действительности – ещё тот попугай... Конечно! В нём совмещаются красный, зелёный и синий цвета...

Фабиану вдруг припомнилась страница «его» книги. Разговор вели два друга, два просвещённых мужа, Иоганн и Себастьян:

И: Вечность... Какое ёмкое и страшное слово... Загадочное слово... Что мы, люди, подразумеваем под ним? Вечность... Хочу ли я заглянуть в неё? И могу ли я... Осмелюсь ли я? Вечность... Почему мы всегда усложняем свою короткую жизнь, растрчивая её на пустяки...

С: А, может, это совсем не пустяки? Может, вся наша жизнь и есть часть того, что ты называешь вечностью. Иоганн, ты уверен, что хочешь соприкоснуться с вечностью?

И: Я хочу «увидеть» вечность! И, как ты говоришь, соприкоснуться. Кто мне это запретит? Бог? Чёрт? Почему я не могу этого сделать ещё при жизни? Или надо сначала умереть, чтобы заглянуть в вечность?

С: Глупости. Если хочешь заглянуть в вечность, загляни в себя.

И: Что же я такое, букашка, пылинка во Вселенной. Да я ведь ничто по сравнению с бесконечным космосом.

С: Неправда! Мы все одинаково важны, вне зависимости от размера, формы, веса.

И: А наше сознание? Оно, по-твоему, ничего не значит? Да если бы не оно, как мы могли бы себя осознавать? И не только себя, а всё, что нас окружает? А!?! У тебя есть ответ? Нет... Вот, Себастьян, к чему приводит твой бездушный материализм.

С: При чём тут сознание, разве ты не понимаешь, что каждая клетка твоего тела состоит из того же вещества*, из которого состояла Вселенная во время Большого взрыва? Каждая молекула и атом состоят из тех же частиц, что и миллиарды лет назад. Эти частицы постоянно циркулируют по нашей планете, а пришли они все из космоса.

* *бесконечной плотности и температуры.*

И: Себастьян! Я очень ценю твою эрудицию, но, согласись, без сознания человек не смог и не захотел бы изучать окружающий его мир. А, может, и нет никакого окружающего мира, а есть только внутренний мир, и он бесконечен и вечен.

С: Так я же про то и говорю. Вселенная – это мы сами. Мы – её неотъемлемая часть. Иоганн! Внешний мир и внутренний не может быть пустым, он состоит из вещества, а оноечно. Ты помнишь со школьных лет тему о круговороте веществ в природе? Через нас с воздухом, пищей, водой, радиацией проходит вся Вселенная, причём не раз... Поэтому ищи ответы на вопросы внутри себя. И сознание тоже продукт вещества, его нет на голом месте.

И: Так можно договориться до того, что всё то, что мы ощущаем или не ощущаем, существует в нас. Если мы – это бескрайняя Вселенная, то мы и есть Бог, а Бог есть мы. И что ещё удивительнее, что не только мы есть Бог, а и любая травинка и букашка тоже и Бог, и Вселенная вне времени и пространства.

Фабиан очень волновался. Он не понимал, что с ним происходит.

– Где я? Что за шутки? Как жарко...

Он находился в пустыне. Раскалённый желтый песок расходился во все стороны волнами, напоминающими верхнее небо во рту. Появилось странное видение. Слон на очень длинных и тонких розовых ногах, как у фламинго, приближался к Фабиану. Как ни старался Фабиан ничему не удивляться, всё же он отметил про себя, что слон не отбрасывает на песок тени.

– Где-то я уже видел таких слонов? А, да, конечно же, это слон из фантазий Дали. И что теперь? Этот слон и эта пустыня – плоды моего воображения? А я – святой Антоний из картины Дали? Крест... Где мой крест... У меня ничего нет. Мне нечем защитить себя от искушений и наваждений. Слон уже близко. Это сон, только сон. Но как всё вокруг реалистично...

Только когда слон приблизился к парню почти вплотную, Фабиан заметил, что это не слон, а огромная рука. Смотреть вверх незащищёнными глазами, когда солнце было почти в зените, стало мучительно больно. Но Фабиан продолжал рассматривать руку.

– Интересно, что она со мной вытворит на этот раз? Нет, я ей так просто не дамся. Сейчас как схвачу за «ногу», как толкну...

Фабиан стоял посреди бескрайних песков. Он даже не пытался бежать и укрыться где-нибудь в безопасном месте. Хотя куда можно было убежать? Кругом одни песчаные дюны.

– Как я здесь оказался? Откуда пришёл? Следов нигде не видеть. Только мои на песке... Голова раскалывается. Не могу больше думать. Пить, пить, дайте пить!

Огромная рука стала опускаться. Тонкие ножки становились всё короче и толще. И вот Фабиан уже находится под ладонью, как под балдахинном. Он даже вздыхает с облегчением, так как рука приносит долгожданную тень. На какое-то мгновение ему захотелось превратиться в малыша, лечь на землю и уснуть, свернувшись калачиком.

– Может быть, я ещё успею убежать от неё? Вон туда, за ту дюну, может быть, там есть нора, и я спрячусь?

– Если эта ручища станет меня душить, она меня просто раздавит. У неё каждый палец, как жирный удав. Всё-таки жаль, что у меня нет креста, как у святого Антония. Тогда бы, наверно, это наваждение исчезло навсегда...

Фабиан схватил один из огромных пальцев руки и принялся его трясти. Ничего не помогло, этот палец, как и остальные четыре, стоял неподвижно, подобно колонне древнего храма. Тогда он стал избивать палец ногами. Безрезультатно. Рука словно окаменела.

– Почему я это делаю, ведь рука меня не держит, и я могу убежать. Надо только решиться. Только куда, в какую сторону? Вдруг что-то сверкнуло, и он на секунду зажмурился.

Когда Фабиан открыл глаза, то обнаружил себя в мансарде. Тонкий, но очень яркий луч полуденного солнца пробивался из-за окна. Он то дрожал, то игриво скользил по лицу молодого писателя, по одеялу, подушке и затем снова исчезал за ставнями.

Порой Фабиану казалось, что у него всегда существовала третья рука. Просто она некоторое время отсутствовала. А теперь вернулась к нему и решила остаться до конца его дней. Парня очень беспокоили мысли о неизбежности её присутствия.

– Может, это моя судьба. В конце концов, за всё надо платить и я плачу за славу ужасными ночами.

Особенно мысль о вечном союзе с рукой прочно укрепились у него в мозгу после одного случая. Всё это происходило в одном из местных банков. Фабиан пришёл туда, чтобы вложить чек с частью своего гонорара. Сумма была приличной. Он занял очередь и сел на стул, поджидая, когда придёт его время. Сидел он, как обычно, угрюмо уставившись себе под ноги. Рука прижималась к его горлу. Он то и дело поправлял ставшим традиционным для него шарф, чтобы никто ненароком её не увидел. Сидел Фабиан довольно близко к одной из касс. Было почти двенадцать пополудни, как раз перед закрытием банка на перерыв. В это время в банке мало посетителей. И они Фабиана, собственно, не интересовали. Поэтому он не заметил, как вошли ещё два человека. Один из них замешкался у входа, а другой направился к кассам. В это самое время рука на шее Фабиана дрогнула, и её пальцы стали бешено колотить его грудь. Он, по недавно заведённой привычке, оглянулся, проверив, не заметил ли кто-нибудь этого, и поправил шарф. И тут его взгляд остановился на новом посетителе. Фабиан не мог его узнать, он просто не знал этого человека. А рука, «его» третья рука, она уже узнала. Да, конечно, она почувствовала, что рядом появилась одна из её несостоявшихся жертв – Маркус с помойки.

Несколько секунд Фабиан и Маркус неотрывно смотрели друг на друга. Фабиан ничего особенного не заметил ни во взгляде, ни во внешности нового посетителя. Только рука на груди трепыхалась, как пойманная бабочка в стеклянной банке.

– Ничего не понимаю, – рассуждал Фабиан. – Что «она» от меня хочет?

На всякий случай он опять поправил шарф и отвернулся в сторону касс. Подошла его очередь, и он с чеком в руке приблизился к окошку кассира. Протянув чек служащему, назвал номер счёта. В то же мгновение почти у самого левого уха Фабиана раздался громкий голос; это кричал новый посетитель:

– Всем лечь на пол! Руки за голову! Кто шевельнётся, получит пулю в голову!

Уже падая на пол, Фабиан успел заметить, что теперь лицо этого человека скрывает чёрный чулок. В помещении банка установилась зловещая тишина. Люди испуганно прижимались к полу. Один из двух последних посетителей всё ещё стоял возле входной двери. Теперь он держал в руках большой пистолет. Тем временем грабитель у кассы уже засовывал купюры в большой мешок. Фабиан застыл на полу. Страх сковал тело, а сердце бешено колотилось.

Вдруг что-то промелькнуло у него перед глазами: его третья рука решила действовать самостоятельно. Единственное, что было непонятным, так это причина, всё, что она делала, было из альтруистического желания помочь людям в банке или непреодолимого желания приканчивать свои жертвы? Рука успела за доли секунды перескочить через стеклянную перего-

родку во внутреннюю часть отделения и нажать кнопку экстренного вызова полиции. Потом она нажимает курок пистолета Маркуса, направив дуло на грабителя у входа. Раздаётся приглушённый выстрел, и грабитель с пулей во лбу и с уже невидящими глазами медленно оседает на пол. Ещё пара секунд, и вот рука уже сдавливает шею Маркуса-грабителя и не отпускает до тех пор, пока он замертво не падает на пол. После этого рука снова водружается на шею Фабиана.

Банковские служащие и посетители поднимаются с пола, отряхиваются и ждут приезда полиции. Справедливость восторжествовала: люди спасены, грабители убиты. Фабиан отделяется от докучных полицейских короткими фразами и покидает банк при первой же возможности.

– Почему рука так поступила? Этот вопрос ещё долго будет мучить молодого писателя.

Фабиан ненавидел «свою» руку-компаньонку. Он постоянно думал о том, как от неё избавиться. Его ненависть к ней стала уже чертой характера. Да, он мысленно описывал себя следующим образом: начинающий писатель, не без таланта, ненавидящий третью руку. После этого Фабиан обычно задавал себе вопрос: а любил ли он свои две руки?

И тогда он старался вспомнить, что, собственно, две родные руки сделали для него. Помогали одеваться и чистить зубы? Расчёсывали? Купали? Это всё прекрасно. Но эти же руки участвовали в его наркотических «сеансах». Фактически эти руки участвовали в его игре со смертью. Они не выбрасывали таблетки и шприцы, а, наоборот, тщательно скрывали их от посторонних глаз, чтобы подобострастно вручить ему при случае. К счастью, это всё уже в прошлом. В недалёком, но прошлом. Так за что же любить свои руки?

Теперь, если задуматься о том, что сделала для него пришлая рука, получится счёт не в пользу своих рук. Она работала на него, вместо него! Сделала его знаменитым и обеспеченным. Разделяла его успех и... брала зверскую плату. Постоянные удушения Фабиан воспринимал, как инквизиторские пытки. Их нельзя ей простить. Но, с другой стороны, его собственные руки были на стороне белой смерти.

Вот и получалось, что Фабиану стоило любить третью руку больше, чем первые две. А почему бы и нет? Только нужно обязательно выяснить, что за этим всем стоит. Неспроста рука прижилась у него на груди. Может быть, он какой-то особенный? Или у неё нет другого выхода, и она пишет для него. Интересно, а что писала рука своему предыдущему владельцу?

Фабиан пытался представить путь, «пройденный» рукой. С некоторых пор он стал «прислушиваться» к её советам, читая написанные ею строки. Вникая в текст, он, по природе не глупый человек, находил много мудрого. Получалось, что он учился у руки её «жизненному опыту». Порой ему становилось стыдно, будто он подглядывал в чужие записи и прочитывал чужие мысли, вовсе не предназначенные ни для него, ни для кого-либо другого. Потом он корил себя за это. А через какое-то время молодой писатель уже спокойно брал исписанные листы, деловито стучал стопкой со всех сторон, выравнивая её и... уже без всякого зазрения совести нёс в редакцию. Он даже прекратил издевательства над рукой. Доходило до того, что он начинал её гладить. Тогда она переставала на время его душить и замирала на груди.

Иногда после таких поглаживаний рука оставляла многострадальную шею и грудь парня и перебиралась на старую батарею в мансарде. Немного погревшись, рука поднималась повыше, на картину со старым гитаристом. Фабиану слышались аккорды, и он начинал дремать. А аккорды лились непрерывной рекой, навевая тихую грусть. Одновременно с грустью грудь Фабиана наполняла необъяснимая радость. Перед закрытыми глазами мелькали неяркие блики, неясные образы чередовались один за другим. Фабиан дремал, а рука-пришлица наигрывала слышимую лишь им мелодию.

Фабиан с трудом открыл глаза. Веки будто склеились и не хотели пропускать свет. Парень приподнял голову и попытался осмотреться. Вместо привычных стен своей мансарды он увидел высокие деревья. Сам же он лежал не на своей кровати, а на сырой земле.

– Что такое! Где я? Опять галлюцинации?

Нет, он сейчас очень чётко ощущал своё тело, оно болело! Фабиан привстал, под ним темнела слегка влажная земля, из-под которой редкими пучками торчала примятая трава.

– Как болит спина. Ой, что это так давит в бок? – Под боком у него оказалась палка.– Откуда эта палка? Ага, к ней привязана котомка. Чья она? Моя, что ли? Куда это я собрался на ночь глядя?

Фабиан оглянулся. Деревья устрашающе нависали над ним. Небо было темно-синим. Подул ветер. Он дул с перерывами, и каждый раз, проходя через зловеще чернеющие кусты, он по-волчьи выл.

– Почему я в лесу? Как я здесь оказался? А рука при мне? Парень стал судорожно искать руку-компаньонку. Вместо большого шарфа он нащупал на шее рваную тряпку.

– Что же это, в конце концов! А чья одежда на мне? Какие-то нищенские лохмотья... Как всё странно...

Порывы ветра усилились. Завывания тоже. Фабиан уже хотел было встать и покинуть это мрачное место как можно скорее, как вдруг стало очень тихо. Он огляделся и увидел совсем недалеко от себя чью-то тень. Присмотрелся: нет, это не тень, а высокий человек в чёрном плаще. Странный плащ какой-то, смахивает на монашескую рясу... «Неужели человек может быть такого высокого роста? Тень от дерева, вот что это... Нет, не тень, вон как глаза блестят... Всё понятно... он стоит на камне... или на пне. Пня не видать. Боже праведный! Где же его ноги?! Ног-то нет совсем!» Все эти мысли пронеслись в голове Фабиана почти мгновенно. Человек без ног стал медленно приближаться к привставшему с земли парню. Он не шёл, а плыл по воздуху, не задевая ни одной травинки.

«Монах-призрак», – промелькнуло в голове у Фабиана, и холодный пот проступил на висках.

– Сын мой, – тихо произнёс монах. Ты на верном пути. Только без посторонней помощи ты будешь долго мучиться. Готов ли ты расстаться со своей новой рукой?

Фабиан внимал речи монаха с благоговением и страхом.

– Да, – едва слышно ответил он.

– Хорошо, сын мой. Тогда слушай внимательно: езжай в город N. Только не забудь взять руку с собой. Там на главной площади увидишь большой дом. В доме разыщи картину.

Снова подул ветер. Повеяло могильным холодом. Монах замолчал.

– Скажите, какую картину я должен найти?

Монах застыл на месте. Рот у него был приоткрыт. Вместо слов изо рта шёл пар. Или дым... Фабиан снова обратился к нему:

– Какая картина? Что на ней изображено?

Монах безмолвно шевелил губами.

– Что мне делать с рукой, когда я найду нужную картину?

Очертания незнакомца стали расплываться. Фабиан хотел задать ещё несколько вопросов, но уже их просто-напросто не к кому было адресовать: монах исчез. Парень смотрел озадаченно какое-то время на то место, где минуту назад ещё стоял монах-призрак. Потом он стал оглядываться по сторонам, чтобы решить, как выйти из леса.

Резкая боль немилосердно сжала его виски. Фабиан на мгновенье зажмурился. Уже в следующее мгновение он оказался в своей постели. Сквозь окно брезжил рассвет. Рука с батареи прыгнула ему на грудь.

– Господи, это был только сон... Что-то защекотало у него на спине. Изловчившись, Фабиан достал до нужного места, почесал его... Когда он вытащил руку из-под майки, то между

пальцами он увидел несколько тонких травинок. Включил лампу, не доверяя ещё тусклому утреннему свету.

– Нет, это был не сон...

Фабиан воспринял всё услышанное от призрака на полном серьёзе. На другой день он отправился в указанный монахом город. На его центральной площади находился исторический музей. Долго пришлось студенту-писателю ходить по залам музея. Он искал то, не зная, что... А время шло. Фабиан обошёл залы дважды. Безрезультатно. Он уже стал насмехаться над самим собой: мол, вот чудак, поверил призраку. Тоже мне, Гамлет нашёлся. Вдруг в одном из довольно узких переходов он увидел картину. Фабиан застыл напротив полотна. На нём крупным планом был изображён монах бенедиктинец. Монах как монах. Одет скромно. Вся картина в приглушённых коричнево-бордовых тонах. Поначалу кажется совсем непримечательной.

– Кто автор картины? И кто изображён на ней? Известно ли его имя? Обычная для музея табличка под картиной отсутствовала.

Фабиан стал оглядываться по сторонам в надежде найти гида и уточнить данные по картине. Но никого рядом не оказалось. Он зашёл в один из залов. Ни гида, ни экскурсантов, ни охранника. Зал был пуст. И только картины висели на стенах. Казалось, что они годами вели молчаливый разговор друг с другом. А люди? Нужны ли были картинам посетители? Со своими ненасытными или безразличными взглядами, вечными заботами о хлебе насущном, завистью, ненавистью и скукой.

Фабиана всё же заинтересовал изображённый на картине монах. Молодой писатель успел заметить две странные вещи: у монаха отсутствовала кисть правой руки, и взгляд его был слишком пытливый, яркий даже, для изображённого на старом холсте человека. Фабиан приблизился к полотну. Ему показалось, что взгляд монаха изменил направление. Теперь он смотрел не в глаза, а на грудь парня. Фабиану стало не по себе.

– Опять галлюцинации. Когда же это всё кончится? Я давно не колюсь.

Рука на его груди зашевелилась. Фабиан знал из опыта, что сейчас что-то произойдёт. Он, как у него уже было заведено, поправил шарф и оглянулся по сторонам. Теперь отсутствие в зале и в узком переходе посетителей его даже обрадовало. Рука продолжала шевелиться. Фабиан снова посмотрел на картину. Что это такое? Теперь на картине он увидел... себя! Будто в старинном зеркале из темноты выглядывало его бледное измученное лицо с потускневшим взглядом. Тогда Фабиан, настоящий Фабиан Моралес посмотрел на «свой» правый рукав на картине-зеркале. Он был пуст! Фабиан стал дрожать и покрываться холодным потом. Он закрыл глаза и не хотел их открывать. Как маленький ребёнок, он думал, что теперь, когда откроет глаза, всё будет хорошо. И он действительно почувствовал себя очень хорошо. Он всё ещё стоял с закрытыми глазами. А его щеку кто-то нежно гладил. Фабиан вспомнил дедушку Эстебана и на его глаза навернулись слёзы.

– Дедушка! Помоги мне! Мне так плохо...

Парень открыл глаза. Рядом с ним никого не было. И щеку его уже никто не гладил. Но теперь он почувствовал себя легко и радостно. Впервые за долгие месяцы он смог вздохнуть полной грудью.

– А где же рука? Где она? О, Господи! Куда она исчезла? Фабиан принялся себя ощупывать со всех сторон, но его «третьей» руки нигде не было.

Потом его взгляд упал на картину. Он сразу заметил, что выражение лица монаха изменилось. Лицо бенедиктинца излучало благодать. Да-да, вот именно, излучало, другого слова лучше этого и не подобрать. И у монаха теперь была правая рука.

– Как же это получилось? «Моя» рука прошла сквозь холст и прикрепилась к монаху? Так значит, это она меня гладила, по-видимому, на прощанье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.